

РАКУРСЫ

Дж. КАПАНО, Л. ВЕРЗИЧЕЛЛИ

NEMO PROFITA IN PATRIA: ТРУДНЫЙ ПУТЬ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ К ОБЩЕСТВЕННОМУ ВЛИЯНИЮ¹

1. Введение

В Италии положение политической науки в академической системе, равно как и ее общественный имидж, все еще остаются непрочными. Считается, что есть пять показателей, по которым можно оценить общественный статус и общую репутацию научной дисциплины [Elzinga, 1987; Becher, Kogan, 1992]. Первый носит наследственный характер: на развитие любой научной дисциплины сильное влияние оказывает среда, в которой она зародилась. Остальные четыре фактора следует анализировать с диахронической точки зрения, к ним относятся: способность одержать победу в дарвиновской борьбе за ресурсы; привлечение студентов; заметность практиков от этой дисциплины в академической среде; восприятие полезности и легитимности данной дисциплины обществом. Согласно оценкам, представленным в некоторых классических работах, в итальянском случае ситуация с первым показателем оказалась

¹ В основу статьи положен доклад, представленный авторами на XXXIII Всемирном конгрессе МАПН в Монреале (19–24 июля 2014 г.). Авторы выражают благодарность Розелле Борри за помощь на стадии сбора материала и разработки дизайна этого исследования.

весьма проблематичной в силу ряда причин, в числе которых – сильная позитивистская традиция в юриспруденции, недоверие к эмпирическим наукам, а также задержка с реорганизацией социальных наук после падения фашистского режима [Bobbio, 1969; Morlino, 1991]. Что касается борьбы за ресурсы и способности привлекать студентов, за последние десятилетия положение политической науки в этих сферах частично улучшилось [Morlino, 1989; Carano, Tronconi, 2005; Carano, Verzichelli, 2010], однако ситуация с двумя внешними показателями (академическая среда и восприятие дисциплины обществом) не претерпела значительных изменений.

Тем не менее политическая нестабильность последнего 20-летия позволила итальянским политологам стать более заметными в общественной сфере. Пытаясь использовать в своих интересах появившийся в итальянском обществе спрос на преобразования, они старались изменить имидж своей профессии за рамками научного сообщества и добиться более значимой роли в общественных дискуссиях. Таким образом, у них была неплохая возможность изменить восприятие обществом практической применимости и полезности политической науки к лучшему.

В начале новой и решающей фазы политических перемен результат этих усилий можно охарактеризовать как весьма спорный. С одной стороны, есть свидетельства значительной институционализации политической науки в Италии (в особенности в области преподавания и научных исследований)¹. С другой стороны, по мнению большинства коллег, уровень признания итальянской политической науки и социальной значимости ее «плодов» не свидетельствует о росте ее влияния на общество в целом. Почему так происходит? Мы попытаемся ответить на этот вопрос, проанализировав три аспекта отношений политологов с общественной сфе-

¹ Помимо цифр, которые мы рассмотрим позже, стоит напомнить, что на протяжении последних 20 лет итальянские политологи стали более заметны в международном сообществе. Качественным показателем этого может служить назначение Леонардо Морлино президентом Международной ассоциации политической науки (2009–2012) и Лючиано Барди (2009–2012), а затем Симоны Пьяттони (2012–2015) председателями Европейского консорциума политических исследований. Кроме того, итальянские политологи стали играть более заметную роль в исполнительных комитетах этих и других международных ассоциаций ученых.

рой: 1) как политическая наука представлена в академической системе (в частности, в образовательных программах); 2) каково влияние ее представителей в международном сообществе; 3) в какой мере они включены в общественные дискуссии, как на «политической» стороне, т.е. в составе представительных элит¹ и журналистского корпуса, так и с точки зрения роста общего авторитета производимых ими знаний вне «башни из слоновой кости» научного сообщества.

2. Теоретические основы и дизайн исследования

Политическая наука представляет собой сферу научного знания, которая, согласно наиболее известным классификациям научных дисциплин [Biglan, 1973 a; 1973 b; Becher, 1989; Becher, Trowler, 2001], может быть охарактеризована как *слабо оформленная (soft)* и *ориентированная на чистую теорию (pure)* с когнитивной точки зрения и как «*сельская [rural]*» и *дивергентная* с социальной точки зрения. Согласно классификации Биглана, политическая наука представляет собой *слабо оформленную* дисциплину, поскольку среди ее представителей нет прагматического консенсуса. В то же время теоретические основы данной науки высокодифференцированы. Она также может быть отнесена к разряду дисциплин, *ориентированных на чистую теорию*, поскольку политологи не слишком обеспокоены практическим применением результатов. В свою очередь, Бечер и Траулер, уделявшие особое внимание социальному конструированию идентичностей научных дисциплин, относят политическую науку к числу *дивергентных*, так как степень осознания ею своей идентичности и уровень единства остаются низкими из-за отсутствия общих форматов дискурса / моделей аргументации. Они также считают ее «*сельской*» дисциплиной, поскольку не так много исследователей занимаются одной и той же темой, в силу чего конкуренция между ними ниже (по сравнению, например, с химией, рассматриваемой Бечер и Траулер как пример «*городской*» дисциплины, в рамках которой многие исследователи

¹ К «представительным элитам» авторы относят членов законодательных ассамблей (местных, региональных и национальной) и лиц, занимающих должностные посты советников при политических органах и должностных лицах. – *Прим. ред.*

занимаются одним и тем же, вследствие чего они находятся под постоянным давлением и вынуждены торопиться с получением результатов и их публикацией).

Ясно, что приведенная выше классификация отражает общий тренд, который можно поставить под сомнение. Нужно признать, что на протяжении двух последних десятилетий на политическую науку воздействовали факторы, способные изменить ее культурные и когнитивные характеристики. Так, ее статус «сельской» дисциплины был несколько поколеблен из-за необходимости публиковаться, обусловленной внутренней академической динамикой. Степень дивергенции сократилась благодаря тенденции к редукции теоретического и методологического многообразия (это подтверждается преобладанием в самых престижных американских журналах количественных исследований на материале больших выборок, а также доминированием в них парадигмы рационального выбора). Когнитивный аспект также трансформировался под воздействием внешних факторов. Например, в США согласованные усилия республиканской партии привели к существенному сокращению финансирования американских политологических департаментов, выделяемого Национальным научным фондом. Аргументируя это решение, сенатор Том Коберн оспаривал социальную значимость дисциплины: по его словам, «исследования президентской исполнительной власти и отношения американцев к обструкции в Сенате не оберегают жизнь американцев от угроз и не способствуют повышению конкурентоспособности Америки в мире» [Coburn, 2013]. В то же время новая рамочная программа «Горизонт 2020», принятая в Европейском союзе на период с 2014 по 2020 г., призывает все социальные науки, в том числе и политическую, кардинально сместиться в сторону прикладных исследований. Многие европейские политологи посчитали, что этот сдвиг станет неприемлемым ограничением для существующей свободы исследования.

Таким образом, общая картина социальной легитимации политической науки выглядит весьма проблематичной во всем мире, а не только в Италии, где она была институционализована совсем недавно. Свойства данной дисциплины (ее слабая оформленность / ориентация на чистую теорию / дивергентность / «сельскость») могут привести к утрате ею социальной значимости.

Политологи могут оказаться неспособными играть роль «советников», на которую они втайне претендуют.

Кроме того, описанные выше свойства политической науки повышают риск ее погружения в порочный круг социальной и политической нерелевантности. Джерри Стокер предлагает четыре возможных объяснения низкой публичной оценки политической науки (на наш взгляд, они тесно связаны с вышеупомянутыми культурными и когнитивными характеристиками).

1. Временной разрыв между логикой политологического исследования и политическими процессами, в силу которого у политологов не так много шансов выступать в роли консультантов. Но и эти редкие возможности часто плохо используются, поскольку, придерживаясь своей миссии научной «чистоты», политологи стремятся получить более точные результаты. А это требует времени, которое редко им предоставляет быстрый и часто непредсказуемый процесс принятия решений. В то же время слабая оформленность и дивергентность политической науки не позволяют ей предлагать практикам решения, которые имели бы шанс на всеобщую поддержку.

2. В случае дисциплин, ориентированных на чистую теорию, организационные стимулы научной работы в значительной мере связаны с приобретением репутации в кругу коллег; это означает, что они уделяют меньше внимания внешней среде – в отличие от прикладных наук.

3. Сложные отношения между фактами и ценностями и преобладание риторики о нейтральности исследования ведут к тому, что большинство политологов предпочитают давать описания и объяснения, но не прогнозы, рекомендации и оценки. С этой точки зрения есть очевидное противоречие между историческими условиями, которые сделали возможным развитие политической науки (т.е. консолидацией демократических режимов), и ее нерешительностью в принятии на себя роли науки о демократии, как это предлагал Г. Лассуэл [The policy sciences, 1951; Lasswell, 1956; 1963].

4. Акцент на исследовательских вопросах, оторванных от реальных политических проблем. По причине отсутствия внимания к насущным проблемам и «сельского» характера дисциплины над одной и той же темой работает небольшое количество ученых, из-за чего планирование исследования не привязывается к наиболее

насушным проблемам существующих политических систем. В результате полученные знания не так просто перевести на язык практики. Политическая наука излишне озабочена поиском объяснений, но не политических и стратегических решений важных социальных вопросов [Stoker, 2010].

Выводы Стокера могут быть полезны для анализа социальной значимости итальянской политической науки. Действительно, анализ литературы показывает, что ей трудно обеспечить себе достаточно широкую аудиторию в общественно-политической сфере. Кроме того, приведенные выше соображения помогают точнее оценить итальянский случай, поместив его в более широкий контекст. Хорошо известные проблемы, которые итальянской политической науке приходилось преодолевать в процессе институционализации (в том числе – главенствующая роль права, а в последние десятилетия – экономики, в качестве дисциплины, дающей советы «Государю»), накладывались на внутренние ограничения повышения социальной значимости, которые политическая наука испытывала повсюду.

В данной статье мы постараемся оценить, в какой мере и каким образом итальянская политическая наука пытается справиться с исторически сложившимися внутренними ограничениями, которые мешают ей повысить собственную социальную значимость. Мы собрали последние данные о дисциплинарной институционализации университетских курсов начиная с реформы 2010 г., в соответствии с которой все факультеты, в том числе и факультеты политической науки, были упразднены. Мы собрали информацию о публикациях итальянских политологов в международных изданиях, чтобы понять, насколько итальянское сообщество политологов интегрировано в международную среду, а также чтобы определить, какие темы предлагаются международной аудитории. Мы провели опрос всех политологов, находившихся в штатах университетов в начале 2014 г. (более 200 человек), с целью сбора информации об их личных отношениях с внешней средой¹. Наконец, мы проанализировали и произвели кодировку резюме всех этих

¹ Опрос был проведен с использованием платформы CAWI (Computer Assisted Web Interview) Лабораторией социального и политического анализа Университета Сиены. Мы хотим поблагодарить Франческо Олмастрони за его неоценимую помощь.

ученых, чтобы классифицировать их научные предпочтения и области исследований.

Данные по исследованиям и публикациям в международных изданиях полезны для оценки уровня академической институционализации дисциплины в Италии. Результаты исследования и анализа, а также кодификация резюме помогли нам оценить уровень социальной включенности дисциплины.

Мы хотим проверить следующие гипотезы.

1. Несмотря на удовлетворительный уровень академической институционализации (которая может считаться успехом, учитывая проблематичный контекст), итальянская политическая наука во многом не способна стать заметной в публичной сфере или добиться ощутимой социальной значимости.

2. Традиционные структурные причины слабой, непропорциональной степени институционализации (а именно: недостаточное присутствие политической науки в университетах на юге и в провинциях, отсутствие необходимого количества ученых во многих департаментах социальной науки) по-прежнему важны, но не являются ключевыми, поскольку во внутренней логике самого предмета можно найти другие факторы неэффективности.

3. Академический статус итальянской политической науки

3.1. Трудности развития политической науки в университетах Италии

Недавняя волна реформ системы высшего образования Италии [Carano, 2008; Turri, 2014 a] наглядно демонстрирует постоянную, хотя и трудную модернизацию социальных наук в Италии. В частности, разрыв между оптимистичными ожиданиями и фактическими результатами почти после 20 лет реформ особенно очевиден в сфере политических наук. Действительно, эта дисциплина была воспринята как возможный источник инноваций и упоминалась в ряде министерских директив по созданию образовательных программ, одобренных Министерством высшего образования. Основные предметы, относящиеся к сфере политических наук и уже представленные в программе по получению традиционной бака-

лаврской степени по политическим наукам, были введены для ряда других направлений подготовки, таких как социология, теория коммуникации, экономика, преподавание, наука управления и др. Более того, в рамках ряда двухгодичных курсов повышения квалификации, введенных в 1999 г. с целью присоединения к Болонскому процессу и адаптации к новой двухступенчатой (бакалавриат – магистратура) структуре университетских программ добавлено множество продвинутых курсов по отдельным политическим субдисциплинам.

Согласно данным некоторых исследований [Carano, 2002; Carano, Tronconi, 2005; Carano, Verzichelli, 2010], именно реформа 1999 г., предполагавшая введение «европейской системы 3 + 2», дала уникальную возможность: курсы политической науки стали основными или дополнительными в 16 из 42 национальных бакалаврских программ и в 32 из 130 магистерских. Дальнейшее реформирование университетских степеней, инициированное министерствами (в 2004 и в 2007 гг.), не наложило каких-либо существенных ограничений на возможность включения дисциплины в итальянские университетские программы. Однако новые строгие министерские требования, касающиеся минимального соотношения студентов и преподавателей для каждого курса, которые были введены в 2010 г., в сочетании со значительным сокращением государственного финансирования университетов (с 2008 г.) поставили макросектор социальных наук в невыгодное положение. Многие программы, включавшие политологические предметы, в действительности были закрыты: данные табл. 1 (по бакалаврским программам) и табл. 2 (по магистерским программам) резюмируют последствия финансовых и организационных преобразований, реализуемых с 2007–2008 учебного года (последнего перед министерской реформой и началом претворения в жизнь политики финансовых ограничений) по 2012–2013 учебный год (последний год, по которому доступна полная информация) (см. табл. 1, табл. 2).

Общее число бакалаврских программ, включающих изучение политической науки, упало со 156 до 84 (–46%), в то время как количество магистерских программ, содержащих в списке дисциплин политическую науку, снизилось со 134 до 69 (–48%). Качественная оценка показывает существенное сокращение всех групп политических дисциплин. Вполне очевидно, что в условиях ограниченных ресурсов (в том числе из-за непропорционального при-

сутствия специалистов в области политической науки во многих университетах) политика сокращения расходов привела к исключению предмета из многих бакалаврских программ, а также магистерских программ по социальным наукам.

Таблица 1

**Представленность политической науки
в бакалаврских программах итальянских университетов.
Диахронический анализ**

Название программы	Количество программ, в которых есть обязательные курсы политических наук, 2007–2008 гг.	Количество программ, в которых есть обязательные курсы политических наук, 2012–2013 гг.
Иностранные языки	1	0
Городское и территориальное планирование	1	0
Бизнес и управление	3	0
Спорт и образование	1	0
История	1	1
Экономика	6	2
Сотрудничество и развитие	10	3
Коммуникационные исследования	12	5
Социальные науки	17	6
Социальная работа	14	7
Государственное управление	38	22
Политические науки и международные отношения	52	38
Всего	156	84

Таблица 2

**Представленность политической науки в магистерских
программах итальянских университетов.
Диахронический анализ**

Название программы	Количество программ, в которых есть обязательные курсы политических наук, 2007–2008 гг.	Количество программ, в которых есть обязательные курсы политических наук, 2012–2013 гг.
1	2	3
Культурная антропология	1	0
Финансы и бухгалтерский учет	1	0
Право	2	0
Иностранные языки	1	0

Продолжение таблицы 2

1	2	3
Методология социального исследования	1	0
Городское и территориальное планирование	2	0
Педагогика	1	0
Современная история	1	0
Журналистика	3	1
Экономика	5	1
Бизнес и управление	8	1
Сотрудничество и развитие	4	1
Коммуникации и маркетинг	1	2
Социальные и институциональные коммуникации	2	2
Наука о европейской интеграции	8	3
Менеджмент социальных услуг	11	6
Социология	11	7
Наука государственного управления	20	12
Политические науки	23	17
Международные отношения	28	21
Всего	134	69

Такой сценарий обескураживает: курсы социальных наук были сокращены примерно на 40%; это почти вдвое больше, чем доля всех сокращенных курсов во всех итальянских университетах. Тем не менее это не означает, что политическая наука стала менее конкурентной по сравнению с ее прямыми «соперниками»: количество политологов в штатах многих базовых программ обучения (в том числе – по социальной работе, социальным наукам, теории коммуникации) и даже некоторых важных магистерских программ (таких как исследования Европы, менеджмент социальных услуг, социология, государственное управление) все еще значительно. Фактически если мы определим долю бакалаврских и магистерских курсов, где присутствие политической науки может считаться, по крайней мере, частично значимым (см. рис. 1)¹, мы увидим, что положение улучшилось, и это частично компенсиро-

¹ Для измерения актуальности предмета берется доля обязательных кредитов к общей доле кредитов. В рамках этого довольно упрощенного анализа мы выделили две категории: «критическая масса кредитов» (больше 15 кредитов) и промежуточный класс «достаточное количество кредитов» (по крайней мере, девять кредитов). Вот почему мы говорим о «частичной актуальности».

вало негативные эффекты от сокращения расходов. Ситуация с магистерскими степенями кажется обнадеживающей, так как политическая наука считается важным предметом более чем в 60% случаев.

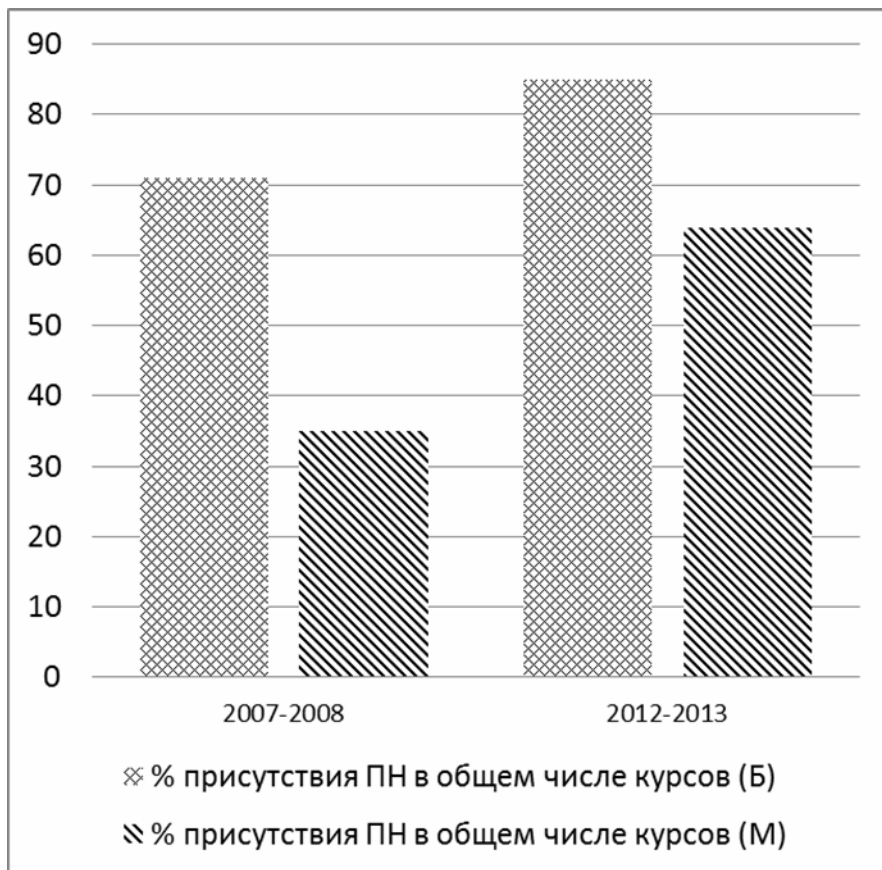

Рис. 1.
Пропорции образовательных программ,
в рамках которых преподается политическая наука
(2007–2013)

3.2. Асимметричное распределение политологов в итальянских университетах

Тенденция стабилизации положения социальных наук в академической среде Италии подтверждается данными о характере сообщества преподавателей и исследователей, находящихся в штатах университетов (см. рис. 2). Сравнив эти данные, можно увидеть, что из-за финансового кризиса привлечение новых кадров остановилось. Как показывают недавние исследования, общее количество позиций остается неизменным с 2008 г., когда число официально практикующих политологов впервые достигло значения 200 [Regalia, Valbruzzi, 2013, p. 11]. Однако финансовые трудности осложнили рост квалификации, что привело к увеличению доли доцентов и сделало достижение полного профессорского звания более зависимым от селекции.

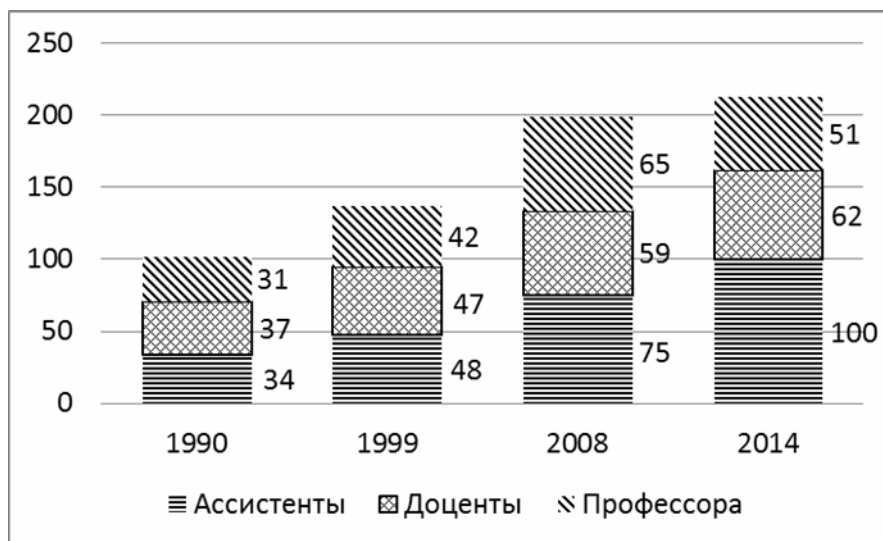

Рис. 2.
Академическое сообщество политологов (1990–2014)

В конечном счете можно сказать, что положение политической науки отражает сложное время, в которое мы живем, и ограниченную привлекательность социальных наук. Глубоко укоренилось ощущение «бесполезности» программ обучения, которые не способствуют нахождению работы и укреплению социального статуса. К тому же последние решения, принятые в рамках преодоления кризиса, едва ли поспособствовали подъему политической науки. Усугубляет положение и раздробленность научного мира: 45% штатных политологов работают в пяти университетах, где они действительно представлены в достаточном количестве¹, в то время как оставшиеся 27% выступают в роли «индивидуальных представителей» дисциплины или в группах до четырех человек. Еще 27% организованы в группы, по крайней мере, по пять человек, что достаточно для обеспечения преподавания полного набора основных курсов.

Таким образом, ожидания прочной консолидации предмета до сих пор не оправдались, и мы должны признать, что политическая наука в Италии сохранила традиционную академическую субординацию. С другой стороны, соотношение политологов и «ученых из других социальных наук», а также соотношение числа курсов по политической науке и числа других курсов остаются неизменными. Поэтому мы не можем пенять на традиционные причины отставания. Если во многих областях предмет остается слабо развитым, это не (только) потому, что «другие плохо к нам относятся». Ограниченное присутствие политологов в СМИ, во многом определяющих университетский рынок, негативно отражается на процессе институционализации предмета: студенты бакалавриата не знают, кто такие политологи, что они делают. Иногда они думают, что все политологи – это социологи, проводящие предвыборные опросы. И это только часть представлений итальянской общественности о политологах.

¹ В частности, в начале 2014 г. Болонский университет мог похвастаться 37 ставками в области политической науки (с преподаванием, распределенным между двумя площадками в Болонье и Форли). Другие большие группы политологов представлены в Катанийском (12), Флоринтийском (12), Миланском государственном (19) и Туринском (17) университетах.

4. Внешнее влияние итальянской политической науки

А. Политологи и институциональная реформа

По мнению некоторых итальянских политологов, достижение политической наукой полной зрелости должно породить новую волну активного участия в общественных дискуссиях – на этот раз исходя из повестки самой дисциплины. Эта позиция, высказанная Джованни Сартори, недавно была подтверждена Джанфранко Паскуино [Pasquino, 2013]. Ее можно суммировать так: и «научные», и «политические» компоненты – неотъемлемая часть «миссии» политолога.

Если посмотреть на реальное «политическое призвание» политологов или, по крайней мере, на готовность итальянских политологов принимать участие в общественных дискуссиях, можно легко увидеть, что критическая масса «активно выступающих» политологов представляет собой крошечную группу интеллектуалов, большинство из которых недостаточно опытно как «политики». Еще меньшая их часть может считаться «лидерами общественного мнения». Джованни Сартори в этом смысле является исключительной, уникальной фигурой¹. Впрочем, отдельные его бывшие коллеги во времена «основания» политической науки были еще больше вовлечены в политику². Еще одна небольшая группа политологов, активно вовлеченная в общественное обсуждение в качестве обозревателей и новостных аналитиков, может быть классифицирована как «активно выступающие интеллектуалы». Их количество за последнее время выросло.

¹ В связи с этим можно упомянуть известную позицию Сартори относительно «конституционной инженерии», хотя наиболее известным аспектом его работы является серия передовых статей, написанных для одной из крупнейших газет Италии «Вечерний курьер» (Corriere della Sera).

² К примеру, Джанфранко Паскуино был избран сенатором от независимого левого течения в 80–90-х годах, Джулиано Урбани был одним из основателей правой партии «Вперед, Италия» (Forza Italia) и служил министром, так же как Доминико Физичелла (основатель Национального альянса (Alleanza Nazionale). Стефано Пассигли также был членом парламента (от Демократической левой партии) в течение нескольких лет.

Тем не менее по поводу заметности политической науки в публичном пространстве можно высказать два общих соображения.

Во-первых, участие политологов в общественных дискуссиях, как правило, связано с проведением макроинституциональных реформ (принятие поправок к Конституции, изменения в правилах административного управления и т.д.) – полем, где они обычно помогают юристам в области конституционного права (а иногда и сами выступают в качестве таковых). Их позиции по конкретным повседневным вопросам (законодательства, внешней политики, политических скандалов и пр.) представляют для итальянских СМИ гораздо меньший интерес. Даже в обсуждении результатов предвыборных опросов и политических исследований, за небольшим исключением, преимущественно участвуют так называемые «эксперты по политическим вопросам» (т.е. эксперты в области политической коммуникации без какого-либо политологического образования, журналисты с некоторыми знаниями в области политики, профессиональные исследователи общественного мнения, социологи, другие ученые из сферы социальных наук с высокой степенью заметности в СМИ и т.д.). Единственный предмет, по которому статус политологов не является второстепенным, – вопросы избирательной реформы, традиционно связываемые с «уроком» Сартори – его анализом последствий вариантов такой реформы для различных систем. По мере расширения этих дискуссий политическая наука приобретает определенную общественную значимость, и участвующие в них политологи высказывают разные точки зрения.

Во-вторых, эмпирическому, сравнительному и «международному» опыту политологов в общественном обсуждении в любом случае отводится мало места. Если политологи вовлекаются в медиасистему и общественные дискуссии, они обычно олицетворяют собой общий «интеллектуальный» голос, иногда излагающий позиции, близкие «политически ориентированным» медиа и некоторым мозговым центрам. Об их исследованиях говорится мало, термин «политический исследователь» (political scientist) почти не звучит в СМИ. Более того, политологи, работающие в средствах массовой информации, редко апеллируют к своей профессиональной идентичности.

Факт того, что в июне 2013 г. итальянское правительство учредило комитет экспертов, задачей которого было рассмотреть вопрос институциональной реформы, особого удивления не вызвал. В списке из 35 имен только троих можно было назвать политологами. Ими оказались Джузеппе ди Федерико, Анджело Панебьянко и Надя Урбинати (последняя – профессор в сфере политической теории, работающая в США). Однако на самом деле все они были выбраны не потому, что являлись политологами, представителями важного научного сообщества. Скорее, они «воспринимались» как эксперты в отдельных политических областях и как видные публицисты, способные представлять определенные «идеологические» позиции, связанные с конституционными вопросами.

В. Чем на самом деле занимаются итальянские политологи

В этом разделе мы проанализируем наши данные по профилям специализации итальянских ученых, чтобы проверить наши рабочие гипотезы. Начнем с общего описания академического профиля тех штатных политологов, которые работали в итальянских университетах на момент начала 2014 г. (см. табл. 3). Как показывает таблица, профиль, именуемый «Сравнительная политика» (хотя он включает ученых, работающих в самых различных областях), продолжает оставаться преобладающим. Из табл. 3 видно, что в области государственной политики недавно был засвидетельствован некоторый рост (это следует из преобладания числа исследователей над числом профессорских позиций). То же самое можно сказать о «новых» субдисциплинах, таких как наука о европейской интеграции. В целом распределение «основных направлений» в рамках академической гильдии выглядит достаточно сбалансированным и в конечном итоге не сильно отличается от ситуации на европейском уровне [The state of political science... 2007].

Другой интересный аспект, касающийся современной «популярности» итальянских политологов, – относительно низкая степень участия в управлении академическими структурами. Только четверть опрошенных ученых являются членами руководящих органов их факультетов (деканами, руководителями департаментов, членами Сената или административного совета, координаторами

учебных программ). Совсем незначительная доля, составляющая 3,3%, имеет академический управленческий опыт в более широком контексте (членство в национальных научных советах, оценочных агентствах национальных университетов, руководящих или оценочных органах других университетов и т.д.). Это подтверждает «наследственный» характер политической науки в Италии, выражающийся в разрыве между культурной, личной и социальной репутацией и «академической властью», или институциональной значимостью.

Таблица 3

Распределение штатных ученых по профилям политической науки (2014)

Профиль	Кол-во	%	Академическая роль		
			ассистент профессора	доцент	профессор
Сравнительная политика	84	39,4	33	25	26
Государственная политика, администрирование, теория организации	48	22,5	24	14	10
Методология	3	1,4	1	0	2
Политическая социология, изучение коммуникации	17	8,0	10	4	3
Наука о европейской интеграции	17	8,0	12	4	1
Международные исследования	35	16,4	17	11	7
Политическая теория	9	4,2	3	4	2
Всего	213				

Мы можем оценить установки этой группы ученых, охарактеризовав продукты их исследований с точки зрения «эмпирических» или «теоретических» ориентаций. Табл. 4 показывает, что ориентация на эмпирическое содержание политической науки остается преобладающей, при этом значительное меньшинство итальянских ученых являются приверженцами «смешанного» профиля исследования¹.

¹ Мы используем термин «смешанный профиль» для обозначения случаев, в которых преобладают (не менее 75%) публикации, связанные с анализом первичных эмпирических данных.

Таблица 4

**Типы исследований итальянских политологов
по профилю, % (2014 г.)**

Тип исследования	Сравнительная политика	Публичная политика	Методология	Политическая социология	Наука о европейской интеграции	Международные отношения	Политическая теория	Общее кол-во
Чистая теория	3,6	2,1				14,3	66,7	15
Смешанный	36,9	41,7		35,3	23,5	51,7	33,3	84
Эмпирический	59,5	56,3	100	64,7	76,5	28,6		114
Общее кол-во	84	48	3	17	17	35	9	213

Достаточно ощутима поляризация между старыми и новыми «международниками», хотя общее распределение теоретиков, придерживающихся «чистых» и «смешанных» подходов, среди различных групп является достаточно постоянным. Те, кто вовлечен в европейские исследования, больше фокусируются на эмпирической работе, в то время как значительное число экспертов в международных отношениях как таковых неохотно участвуют в чисто эмпирических исследованиях.

С. Что политологи делают во «внешнем мире»?

Чтобы лучше оценить общественное влияние политической науки, нужно рассмотреть тех политологов, которые играют публичную роль в качестве ведущих обозревателей в национальных газетах, консультантов по политическим вопросам или депутатов законодательных ассамблей различного уровня. Это стало возможным благодаря проведенному нами опросу всех штатных политологов в итальянских университетах. Примерно 60% процентов из 202 человек, к которым мы обращались, ответили на наши вопросы. В табл. 5 приведены результаты нашего исследования, дополненные на основе кодирования информации, взятой из CV.

**Индикаторы социального и политического
влияния итальянских политологов**

Индикатор	%	Общее кол-во
Опыт академического управления (в собственном университете)	26,8	213
Опыт академического управления (в других университетах)	3,8	213
Присутствие в медиа (любого типа) (за последние 5 лет)	49,8	213
Регулярное присутствие в национальных медиа (за последние 5 лет)	4,2	213
Недавний опыт работы в качестве советника (в частных или государственных институтах)	52,7	205
Участие в международных конференциях	56,4	213
Регулярное участие в международных исследованиях (по крайней мере, каждые три года)	18,8	213
Членство в международной профессиональной ассоциации	21,1	213

Вырисовывается неоднозначная картина: оказалось, что политологи Италии заинтересованы во всех аспектах, которые мы рассматриваем в данном исследовании, но ни один из этих аспектов не стал «общей заботой» большинства респондентов. Точнее, уровень их участия в управлении своими университетами относительно низок, так же как и уровень интеграции в медиасистему.

Опрос позволил получить и другие интересные результаты. Во-первых, 44% респондентов были советниками или консультантами в государственных организациях и институтах в период 2009–2014 гг., в то время как «только» 27% работали в частных компаниях, партиях или движениях. Более половины внешних профессиональных услуг было предоставлено органам местного самоуправления, запрос же на остальные услуги был выполнен от лица государственных министерств и других национальных политических институтов (председателей Совета министров и Парламента). Во-вторых, только 25% респондентов были членами государственных или общественных органов (public bodies), причем в большинстве случаев они состояли в консультативных комитетах (таких, как советы университетов или комиссии по аккредитации), а не в органах, принимающих решения. В-третьих, ответы респондентов относительно их сотрудничества со СМИ подтверждают, что медиапространство остается сферой, в которую политологи вовлекаются редко. Лишь немногие из них регулярно посещают теле-

и радиодebаты, и их участие, как правило, сводится к медиаканалам ограниченного воздействия (в основном к местным газетам).

В отличие от прошлых лет, сегодня политологи обладают консультативными полномочиями как на частном, так и на государственном уровнях, но не в медиа. Однако стоит отметить, что консультативная работа проводится преимущественно тогда, когда общественным организациям нужно создать комитет для изучения возможных политических решений проблемы (такие комитеты обычно являются междисциплинарными). В сущности, консультативная роль политологов по отношению к общественным организациям касается маргинальных аспектов этих проблем. Это объясняет, почему 80% респондентов утверждают, что влияние политологических исследований очень ограничено (69,9%) или отсутствует вовсе (12,8%). Подавляющее большинство «негативных ответов» можно рассматривать как наглядный показатель не только коллективного осознания маргинального статуса предмета и практикующих его специалистов, но и определенной степени фрустрации последних.

Наконец, интересно отметить, что когда политологов просили выделить два направления исследований, которые следует развивать, респонденты, как правило, указывали эмпирические, потенциально «прикладные» области, такие как государственная политика / государственное управление (23,5%), сравнительный анализ политических институтов (18,1%) и политика [politics and policy] Европейского союза (16,9%). Этот «рейтинг» интересен тем, что он отражает «ключевые политические вопросы» через призму восприятия итальянских политологов: им кажется, что наиболее остродискуссионные вопросы – радикальная реформа государственного управления и общественной политики (public administration and public policy), институциональные реформы, политическая динамика (political and policy dynamics) Европейского союза, а также влияние этих проблем на итальянскую политику и жизнь граждан.

Некоторые коэффициенты корреляции наглядно иллюстрируют вариативный характер разных типов интеллектуальной «миссии», чем подтверждают тезис о существующей фрагментации в рамках данного сообщества. Очевидно, что возраст и академический стаж коррелируют с уровнем вовлеченности в академическое управление, в то время как заметность в медиа и опыт работы кон-

сультантом (как в частной, так и в государственной организации) так или иначе коррелируют друг с другом. И наконец, самое очевидное: влияние, измеряемое количеством публикаций в международных изданиях, коррелирует с активным участием в международных конференциях и членством в международных ассоциациях.

Таблица 6

**Факторный анализ. Латентные компоненты
в профилях итальянских политологов
Матрица компонентов (Component matrix (a))**

	Компонент		
	1	2	3
Возраст	-0,763	0,306	0,147
Стаж	0,908	-0,106	-0,081
Академический опыт	0,708	-0,006	0,248
Заметность в СМИ	0,437	-0,006	0,668
Опыт работы советником	0,104	0,036	0,829
Участие в международных конференциях	0,079	0,870	0,010
Членство в международной организации	0,215	0,723	-0,137
Публикации ISI SCOPUS (2004–2014)	0,185	0,738	0,066

Метод: анализ главных компонент, извлекаются три компонента.

Таблица 7

Объяснение общей дисперсии (Total Variance Explained)

Компонент	Всего	% кумулятивн. дисперсии	Кумулятивн. %	Всего	% кумулятивн. дисперсии	Кумулятивн. %
1	2,198	27,477	27,477	2,198	27,477	27,477
2	1,935	24,184	51,663	1,935	24,187	51,663
3	1,245	15,565	67,228	1,245	15,565	67,228
4	0,728	9,098	76,326			
5	0,672	8,396	84,722			
6	0,604	7,550	92,272			
7	0,381	4,763	97,035			
8	0,237	2,965	100,000			

Метод: анализ главных компонент.

Количественный анализ этих данных выявил три скрытых фактора (см. табл. 6), которые, в свою очередь, объяснили причины разброса в распределении кейсов. Первая группа факторов – характерные черты «академической вовлеченности» (стаж, опыт управления и, в определенной степени, международное присутствие в профессиональных институтах). Второй фактор представляет собой международное присутствие, заключающееся в наличии международно признанных публикаций. И третий фактор подчеркивает связь между заметностью в медиа и консультационным опытом.

5. Анализ

Какие выводы мы можем сделать из этого первоначального анализа? В целом можно выделить три в некоторой степени отличающихся друг от друга типа итальянских политологов.

1. *Включенные в университетскую жизнь («академики»)* – участвуют в процессе институционального строительства в своем университете. Исследовательский профиль такого типа политологов носит открытый характер, в какой-то степени ориентирован на прикладное использование результатов, но активность в качестве публичного интеллектуала чаще всего низка.

2. *Фундаментальные «исследователи»* – постоянно активны (в настоящее время в большей или меньшей степени на международной арене), причем результатом этой активности является научная продукция, не относящаяся к разряду прикладной. Чистые исследователи не заботятся о своем общественном имидже и не вовлечены в политику или во внешнюю консультативную деятельность.

3. *«Публичные интеллектуалы»* – предельно открыты для средств массовой информации. Они в известной степени заинтересованы в прикладных исследованиях, хотя и не обязательно являются очень продуктивными в этой области, особенно на международном уровне. Данный тип ученых практически исключен из сферы институционального и академического управления.

Хотя возможность комбинации этих «идеальных типов» среди итальянских политологов не исключена, мы можем утверждать, что четвертый идеальный тип, который мы определяем как *эклетичный ученый*, в реальной жизни почти не встречается. В допол-

нение к «классическим» чертам чистого ученого или даже чистого «академика» эклектичный ученый будет обладать также некоторыми характеристиками публичного интеллектуала, в частности, его влиянием на общественное обсуждение посредством постоянного присутствия в медиа¹.

Сложности, препятствующие появлению определенных форм эклектики, подтверждают наше первоначальное предположение о том, что итальянская политическая наука, несмотря на удовлетворительный уровень академической институционализации (которая, однако, страдает от последствий недавних организационных изменений и сокращения финансирования системы итальянских университетов), все еще не добилась значимого общественного статуса. И подобная неэффективность может быть связана скорее с внутренней логикой функционирования и развития предмета, нежели с относительной численностью профессиональных политологов и географией их трудоустройства.

Как показывают результаты нашего исследования, итальянские политологи осознают социальную неактуальность предмета, а также то, в каких направлениях должна вестись работа для повышения воспринимаемой общественной полезности (*perceived social utility*). Однако поведение профессиональных политологов не свидетельствует об этом осознании.

Таким образом, представляется, что итальянская политическая наука так и осталась слабо оформленной / теоретически ориентированной / дивергентной / «сельской» дисциплиной. «Слабая оформленность» свойственна политической науке во всем мире, и в итальянском случае едва ли можно исключить эту мультипарадигмальность. Однако три другие характеристики – тяготение к «чистому» исследованию, отсутствие общей идентичности и большое разнообразие научно-исследовательских тем, которое включает любую экономию на масштабах и, как результат, любое

¹ Другое подтверждение того, что итальянские политологи сталкиваются с трудностями в данной сфере, – их участие в программе под названием «Политические страницы», в рамках которой ученые и журналисты представляют последние исследования итальянской политики. Как видно из архивов программы, показатель посещаемости данной программы политологами очень низок по сравнению, например, с историками и социологами. См.: Radiotelevisione Italiana [Сайт Итальянской государственной телерадиокомпании]. – Mode of access: <http://www.rai.tv/>

развитие общего ядра «знания» по конкретным вопросам, – остаются предметом для обсуждения.

Причины сохранения характеристик итальянской политической науки как «теоретически ориентированной», дивергентной и «сельской», очевидно, могут быть связаны с любым из приведенных выше объяснений Дж. Стокера (временным несовпадением логики политического научного исследования и его политического времени; организационными стимулами академической работы; риторикой научной нейтральности; тяготением к исследовательским вопросам, которые не связаны с актуальными политическими проблемами и проблемами политики), хотя в случае Италии три из этих объяснений кажутся наиболее значимыми. Вопрос о временном несовпадении научного и политического времени – это в действительности результат «теоретического» подхода к исследовательской деятельности; он снимается, если изменяются остальные три элемента.

Организационный стимул в итальянской академической работе заключается, как это часто бывает в случае чистых дисциплин, в погоне за уважением коллег и необходимости показать, что высокие теоретические и методологические стандарты были соблюдены. Этим сущностным характеристикам придается еще большее значение (если такое только возможно) из-за критерия Национальных исследований оценки качества проектов (VQR), которые, в отличие, например, от британской системы Research Excellence Framework 2014 (<http://www.ref.ac.uk/>), акцентируют свое внимание только на «научном качестве» исследовательских продуктов, не учитывая социального влияния среды [Reboga, Turri, 2013; Turri, 2014 b]. Таким образом, институциональный контекст, в котором функционирует итальянская политическая наука, лишь усиливает ее приверженность «чисто теоретическому» подходу. В одиночку политологи могут сделать не так много для переустройства реального мира.

Тем не менее, что касается двух других измерений данного вопроса, здесь мы не можем сослаться на влияние «внешних ограничений». Фактически риторика научной нейтральности и преобладающая ориентация на внутренне значимые исследовательские темы находятся под полным контролем самого научного сообщества. Таким образом, сохранение нейтральности и отсутствия интереса к

политически ориентированным / социально значимым исследованием является результатом культурных ограничений.

С культурной точки зрения риторика нейтральности является своего рода генетической меткой. В стране, где политическая наука вынуждена была развиваться в сильно идеологизированной среде, вполне естественно, что призыв к нейтральности тем более значим, что позволяет лучше легитимировать новый предмет и границы между ним и другими «конкурирующими» предметами (учитывая, что политическая философия, право и история в Италии предлагают весьма идеологизированный анализ политики). Тем не менее сохранение такого рода риторики в век институционализированной итальянской политической науки кажется контрпродуктивным с точки зрения ее легитимации. Поэтому предложение Лассуэла быть наукой для демократии должно восприниматься всерьез, особенно принимая во внимание значительное распространение популистских и антиполитических движений и школ мысли в рамках итальянского общества.

Ограничения для идентичности итальянских политологов тесно связаны с их профессиональной социализацией. Идея о том, что наш предмет теоретический и поэтому имеет значение только теория, приводит к тому, что просьба выбрать тему для исследования, адресованная к молодым ученым, подразумевает связь этой темы с теоретически значимым исследовательским вопросом. Это означает, что воспроизводство предмета абсолютно лишено любой связи с реальными политическими проблемами.

Таким образом, защищая культурный бренд (*мы нейтральны, а потому мы настоящие ученые*) и идентичность (*мы заинтересованы только в улучшении качества наших теорий*), итальянские политологи не способны ни развить интерес студентов к предмету, ни достучаться до медиасистемы или политиков, ни повысить свою значимость для общества. Это похоже на бесконечный порочный круг.

Мы не должны недооценивать самые последние изменения. В частности, очевидное развитие новой волны интернационализации (ставшей возможной благодаря целому поколению ученых, воспитанных в более мобильной среде (проект Lifelong Learning Programme (http://ec.europa.eu/education/tools/llp_en.htm), а также расширению программ мобильности для аспирантов) означает не

только повышение конкурентоспособности итальянского сообщества в международных профессиональных изданиях. Можно утверждать, что это «интернационализированное» поколение ученых также обеспечит постоянное присутствие в «эпистемологических сообществах», которые активны, особенно на европейском уровне, в ряде областей, начиная от консультативных органов государственных институтов и мозговых центров и заканчивая определенными «политически ориентированными» интеллектуальными предприятиями, поддерживаемыми ассоциациями и политическими партиями. Однако развитие в этом направлении идет достаточно медленно и не сильно заметно на национальном уровне по причине того, что, будучи активными на наднациональном уровне, многие ученые оказываются не у дел дома.

6. Заключительные замечания

Почти 20 лет назад один довольно известный итальянский политолог, один из тех, кто поистине верил в практическую полезность дисциплины, с энтузиазмом утверждал, что «дисциплина не только академически консолидирована, но и ее общественная полезность уже не может быть поставлена под сомнение. Более того, наблюдается растущая потребность в политической науке и тех отраслях социальных наук, которые способны развить и систематизировать знания о политических институтах, движениях, процессах и поведении» [Pasquino, 1997, p. 33].

Как мы показали в этой статье, эмпирические данные говорят, как правило, об обратном, и сегодня оценка Пасквино кажется довольно оптимистичной.

В сущности, в Италии, как и повсюду, чувствуется реальная потребность в повышении социальной значимости предмета. Это не только тактическое требование (чтобы добиться большей заметности в общественной сфере и повысить репутацию, с целью улучшения имеющихся ресурсов – получить больше рабочих мест, больше студентов, больше финансирования и т.д.), но также и стратегический выбор исследовательской повестки. Эпистемологический разрыв должен быть предан обсуждению, а путь, предложенный Лассуэлом, воспринят с большей серьезностью. Мы должны попытаться

увидеть, что «заинтересованность в проблемах наших сограждан – не что-то дополнительное (optional add-on) для политической науки как профессии, но и обязанность, такая же непреложная, как наша погоня за научной истиной» [Putnam, 2003, p. 252].

Эти гносеологические «преобразования» в наших руках, нашим департаментам и старшим ученым по силам обратиться к новым поколениям, придать больший вес социально и политически значимым исследованиям. И наши журналы должны поощрять предоставление докладов (очевидно, соответствующих высоким методологическим стандартам), уделяющих внимание реальному миру и реальным политическим проблемам и проблемам политики. Возможно, пришло время переориентировать исследовательскую «политику» и профессиональную идентичность итальянских политологов.

Список литературы

- Becher T.* Academic tribes and territories: Intellectual enquiry and the cultures of disciplines. – Milton Keynes: Open Univ. press, 1989. – 200 p.
- Becher T., Kogan M.* Process and structure in higher education. – 2nd ed. – L., N.Y.: Routledge, 1992. – 209 p.
- Becher T., Trowler P.R.* Academic tribes and territories: Intellectual inquiry and the culture of disciplines. – 2nd ed. – Buckingham: Open univ. press, 2001. – 238 p.
- Biglan A.* The characteristics of subject matter in different academic areas // *Journal of applied psychology*. – Washington, D.C., 1973 a. – Vol. 57, N 3. – P. 195–203.
- Biglan A.* Relationships between subject matter characteristics and the structure and output of university departments // *Journal of applied psychology*. – Washington, D.C., 1973 b. – Vol. 57, N 3. – P. 204–213.
- Bobbio N.* Saggi sulla scienza politica in Italia. – Bari: Laterza, 1969. – 254 p.
- Capano G.* Implementing the Bologna declaration in Italian universities // *European political science*. – Colchester, Essex, 2002. – Vol. 1, N 3. – P. 81–91.
- Capano G.* Looking for serendipity: The problematical reform of government within Italy's universities // *Higher education*. – Amsterdam, 2008. – Vol. 55, N 4. – P. 481–504.
- Capano G., Tronconi F.* Political science in Italian universities. A peaceful survival? // *European political science*. – Colchester, Essex, 2005. – Vol. 4, N 2. – P. 151–163.
- Capano G., Verzichelli L.* Good but not enough: Recent developments of political science in Italy // *European political science*. – Colchester, Essex, 2010. – Vol. 9, N 1. – P. 102–116.
- Coburn T.A.* Letter to the director of the national science foundation. – 2013. – 12 March. – Mode of access: http://www.coburn.senate.gov/public//index.cfm?a=Files.Serve&File_id=60c99a67-2f0d-4c83-9b3d-1d65225d6abb (Дата посещения: 09.06.2014.)

- Elzinga A.* Internal and external regulatives in research and higher education systems // *Disciplinary perspectives on higher education and research* / Ed. by R. Premfors. – Stockholm: Univ. of Stockholm, 1987. – P. 191–217.
- The state of political science in Western Europe / Ed. by Klingemann H.D. – Opladen: Barbara Budric publishers, 2007. – 434 p.
- Lasswell H.D.* The political science of science: An inquiry into the possible reconciliation of mastery and freedom // *American political science review*. – Washington, D.C., 1956. – Vol. 50, N 4. – P. 961–979.
- Lasswell H.D.* The future of political science. – N.Y.: Atherton press, 1963. – 256 p.
- The policy sciences / Ed. by Lerner D., Lasswell H.D. – Stanford: Stanford univ. press, 1951. – 344 p.
- Morlino L.* Ancora un bilancio lamentevole? // *Scienza Politica* / Ed. by L. Morlino. – Torino: Edizioni Fondazione Agnelli, 1989. – P. 5–52.
- Morlino L.* Political science in Italy: Tradition and empiricism // *European journal of political research*. – Hoboken, NJ, 1991. – Vol. 20, N 3–4. – P. 341–358.
- Pasquino G.* Corso di Scienza politica. – Bologna: Il Mulino, 1997. – 276 p.
- Pasquino G.* Political science for what? Giovanni Sartori's scholarly answer // *Rivista italiana di scienza politica*. – Bologna, 2013. – N 3. – P. 455–468.
- Putnam R.* APSA presidential address: The public role of political science // *Perspective on politics*. – Cambridge, MA, 2003. – Vol. 1, N 2. – P. 249–255.
- Rebora G., Turri M.* The UK and Italy research assessment exercises face to face // *Research policy*. – Amsterdam, 2013. – Vol. 42, N 9. – P. 1657–1666.
- Regalia M., Valbruzzi M.* Introduzione // Quaranta anni di scienza politica in Italia / Ed. by G. Pasquino, M. Regalia e M. Valbruzzi. – Bologna: Il Mulino, 2013. – P. 4–19.
- Stoker G.* Blockages on the road to relevance: why has political science failed to deliver? // *European political science*. – Colchester, Essex, 2010. – Vol. 9, N 1. – P. 72–84.
- Turri M.* The difficult transition of the Italian university system: growth, underfunding and reforms // *Journal of further and higher education*. – L., 2014 a. – Mode of access: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/0309877X.2014.895303> (Дата посещения: 20.05.2015.)
- Turri M.* The new Italian agency for the evaluation of the university system (ANVUR): A need for governance or legitimacy? // *Quality in higher education*. – L., 2014 b. – Vol. 20, N 1. – P. 64–82.

*Перевод с английского С.А. Солодянкиной
под ред. О.Ю. Малиновой*